

„СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ“

Это статья об Утесове, но нам хочется поговорить о смехе. Может быть потому, что Утесов и смех — близкие родственники и трогательные друзья. Итак, ежели мы договоримся о том, что смех столь же естественное свойство homo sapiens'a, как дыхание и жажда, то теперь спрашивается: какой же нам смех нужен? И этот раздел сакраментального спора представляется нам в общем не очень деловым. По нашему мнению, нам нужны все оттенки этого спектра, от ультрафиолетовых до инфракрасных, все клинки этого оружейного ящика, все скрипки, флейты и виолончели этого прекрасного инструментария. Нам нужны и философские улыбки аббата Куаньяра, и лирический сарказм Гейне, и громopodobный хохот Рабле, и змеиный яд Свифта, и блестящие ланцеты Вольтера. А разве можно отказаться от язвительной грусти Гоголя, от иронических глаз Чехова, поблескивающих сквозь затуманенные стекла пенсне, от мудрого смеха Салтыкова-Щедрина? Ну, а послеобеденный рассказчик Джером, стряхивающий пепел с угасающей сигары? А веселый джентльмен молодой Америки Марк Твэн, сыплющий озорную селитру в пламя факела, который держит в руках статуя Свободы? Разве мы не „национализируем“ их всех, как внимательные, но слегка предубежденные нас ледники.

Но... над ухом гремит труба, воеет банджо, урчит саксафон, рокочут сияющие тарелки, напоминая, что статья об Утесове! Так вот — мы иногда долго и нудно спорим, нужен ли смех вообще, нужен ли смех на эстраде, может ли вообще существовать смех на советской эстраде, да и самая советская эстрада, а в это время на эстраде работают такие добротные мастера советского смеха, как Смирнов - Сокольский, как Леонид Утесов. Наш первый фельетон — об Утесове, следующий — о Смирнове-Сокольском. Пора наконец писать большие статьи об этих больших мастерах, — правильно об этом сказал как-то Всеволод Вишневский.

Почему же, минуя все споры о нужности смеха, Леониду Утесову удалось создать по-настоящему ценный и добротный образец советского эстрадного смеха, доброкачественный номер советской эстрады, каким является его „Музыкальный магазин“, показанный в последней программе Мюзик-Холла? Несомненно, что

этот номер встречает самое теплое отношение со стороны советского зрителя. Нет нужды скрывать, что до сих пор зритель уходил с большинства мюзик-холльных программ, отругиваясь по адресу потерянного вечера. И вот — самое невероятное в чудесах это то, что они случаются! — зритель, толпящийся в раздевалке и у выхода, говорит: — „А знаете — ведь здорово!“ И значительную долю „вины“ в этом имеет утесовский „Музыкальный магазин“.

Номер Утесова предельно оптимистичен. Он освежает мозги и мышцы, как нарзан, как утренняя гимнастика, как строфа Уитмена. Конечно, это, может быть, чересчур эмоциональная, импрессионистическая, что ли, оценка. Но, честное слово, это так. Конечно, можно сделать серьезную мину, задать Утесову классический, глубокомысленный вопрос:

— Что вы хотели этим сказать?

Можно, конечно, заявить, что, дескать, в номере Утесова не затронуты такие вопросы, как интернациональное воспитание детей, как силосование, как помощь управдома в кампании по утеплению уборных, как коррозия металлов. Но было бы чрезвычайно вульгарным и примитивным понимать „идеологическую нагрузку“ музыкального эстрадного номера именно таким образом. Общественная ценность номера Утесова в том-то и заключается, что, отведав бодрящего ритма его труб, саксафонов и барабанов, посмеявшись над его веселыми остротами и жестами, вкусивши безграничного оптимизма его номера, — хочется с двойной энергией приниматься и за интернациональное воспитание детей и строить силосы, и горячо помогать управdomам и даже бороться с коррозией металлов!

Но только люди с коррозией мозгов и со свернувшимся, как простокваша, спинным мозгом в позвонках могут понять так, что все предыдущие слова и комплименты являются апологетикой утесовских достижений и своеобразным призывом, обращенным к Утесову — застыть на уже достигнутом. Нюборот, мы считаем, что именно потому, что поиски Утесова в последнем номере в общем удачны, — ему в дальнейшей работе необходимо усилить смысловую идейную нагрузку своих номеров, „озаботиться приисканием“ более действенного, но не менее смешного текста, — именно потому, что джаз Утесова может стать великолепным общественным, политическим пропагандистом.

В последней работе Утесова и его джаза нам нравится то, что в ней почти отсутствуют элементы дилетантства и что она профессиональна в лучшем смысле этого слова, именно как следует понимать профессионализм в искусстве. Нам нравится внятно различимый хребет режиссерской конструкции, чувствующийся в теле номера (режиссеры Утесов и Арнольд).

Андрей Белый как-то писал, что для того, чтобы создать своего сенатора Аблеухова в „Петербурге“, он прочел десятки и сотни книг по самым разнообразным вопросам, — по математике, геометрии, физике, — причем все это он уложил в один только жест, с которым Аблеухов разрезает цыпленка. Точно также в каждом ударе литавр, в каждой музыкальной фразе саксафона, в каждом

Дружеский шарж Н. Радлова

НА ЭСТРАДЕ ЛЕОНИД УТЕСОВ

ЯПОНСКИЙ РЕЖИССЕР СЭНОИКЕ КИНАРУ В ЛЕНИНГРАДЕ

„Я убежден, что среди всех театров мира советский театр, безусловно, является самым прогрессивным“.

*Сэноике Кинару
30 окт. 1932 г.*

безденежной публики „свежестью“ и остротой все новых и новых постановок ставят театрального работника, находящегося на службе у „Сетсику“, в невыносимо тяжелые условия работы.

Постоянная лихорадочная гонка, — в месяц надо успеть сделать несколько новых постановок, — вот условия, в которых приходится работать японскому режиссеру. Эта атмосфера постоянной спешки, глубокая художественная и экономическая зависимость от „Сетсику“, не способствуют, разумеется, художественному росту его работников. Сэноике Кинару, тщательно изучавший в течение месяца постановку театрального дела Ленинграда и Москвы, мог бы, по его словам, „по возвращении на родину, на основании советских театральных принципов, сделать чрезвычайно интересные для

園池公功

一九三二年十月三日

私はソヴェトの演劇が
世界各国の演劇の中で
一番進んだものがあると
信じて疑はない。

Посетивший недавно Ленинград японский режиссер Сэноике Кинару, является одним из крупнейших театральных деятелей Токио.

Он служит в богатейшем концерне „Сетсику“, монополизировавшем почти все театральные предприятия Японии. Глубокий финансовый кризис, погоня за „снижением себестоимости“ театральной продукции, завлечение

японской аудитории новые постановки, но... „Сетсику“ вряд ли даст возможность осуществить их“.

Сэноике Кинару приехал в СССР по приглашению ВОКСа.

„Я убежден, — заявил он представителю журнала „Рабочий и Театр“, — что советский театр, как самый передовой в мире, ожидает большое будущее“.

повороте головы самого дирижера чувствуется огромная предварительная работа, благодаря которой талантливый ансамбль Утесова достиг такой напряженной сыгранности, такой математической точности и слитности в своей синкопированной экспрессии.

Джаз Утесова кладет конец еще одному выхолощенному спору — об „органической упадочности“ джаза. Последняя работа утесовского ансамбля с особенной яркостью опровергает эти докучные вымыслы и еще раз доказывает, что джаз — чудесная вещь и на советской эстраде. Дело не в инструментарии джаза, не в его специфике, не в его ритме, а в тех людях, которые создают. И великолепно синкопированные арии из „Садко“ и „Евгения Онегина“ очень свежо и по-новому дошли до советского слушателя, являя собой, может быть, одну из вполне допустимых форм использования классического наследия.

Здоровый оптимистический джаз Леонида Утесова является конкретным противопоставлением заграничному джазу, который выродился в некий эротический наркотик, в музыкальный дубликат медицинского препарата „Спермин“ для расслабленных фарсовых старичков с присыпанным талькой задом. Такая форма джаза, как ансамбль Утесова, могла явиться только в результате упорных и долгих исканий, через которые прошел этот даровитый актер.

Однако настоящим актером сделала Утесова революция. Это говорится здесь не из любви к красивой фразе, но из чувства ответственности перед правдой. Если бы Утесов был несколько старше и не пришел в наши дни

молодым, — он бы, вероятно, так и остался областным одесским „смешняком“ и правоверным профессором анекдота. И только суровая и требовательная советская действительность послужила Утесову хорошей школой и подняла его искусство на значительную высоту.

Впрочем, и на послереволюционном пути Утесова было не мало ошибок. Но, преодолевая в себе обывательского и пошлого Менделя Маранца, он в упорной работе начинает находить — мы можем это сказать после „Музыкального магазина“ — зерно своего и притом советского жанра!

Было бы, однако, непростительным легкомыслием, пожав руку Утесову после удачи „Музыкального магазина“, сказать ему: „Уважаемый, вы достигли Монблана в своей области. Примите этот лавровый венок, чтобы в трудную минуту заправить им суп“! Нет, тов. Утесов, вершина еще не близка. Подбейте крепчайшими гвоздями свои башмаки, вооружитесь альпенштоком и спальным мешком и продолжайте путешествие к вершинам подлинного советского искусства с его илейной насыщенностью и совершенным мастерством. Больше мысли, иронии, злости, политической целеустремленности в ваш дорожный рюкзак! Вы крепкий и выносливый парень и вы можете быть хорошим вожаком вашего музыкального отряда на пути к высотам советской эстрады.

Счастливым же путь! — выражаясь словами вашей финальной песни. — Счастливым путь!

